

Война в моей памяти

Бывают в жизни человека события, которые крепко врезаются даже в детскую память. Таким событием было начало Великой Отечественной войны. Я жил в деревне, мама работала в колхозе, основным моим воспитанием занималась бабушка. Она была достаточно грамотной, много читала, приучила и меня. Поэтому ещё до школы я достаточно бегло читал газеты. Когда приезжал в гости к дедушке в другую деревню, он обязательно просил почитать газету, особенно новости. А в предвоенные годы таких новостей было более чем достаточно: это и события в Испании, у озера Хасан, на Халхин-Голе, и война с Финляндией зимой 1939–1940 года, в которой участвовал мой дядя. Кроме того, в прессе было много сообщений о раскрытии очередных заговоров, расстреле врагов народа. Я помню, как мне пришлось в своём первом букваре, которым я очень дорожил, заклеивать портреты первых маршалов СССР Блюхера и Тухачевского. В общем предвоенные годы были пропитаны каким-то грозным предчувствием. Но о большой войне как-то не думалось. Мы с упоением пели песни: «Нас не трогай – мы не тронем, а затронешь – спуска не дадим» или такие, как «Если завтра война, если завтра в поход...», «Три танкиста», «Гремя огнём, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход, когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин

и первый маршал в бой нас поведёт». Нашим детским душам казалось, что никакие враги нам не страшны, мы быстро победим любого врага. Так нас воспитала пропаганда в кино, газетах.

И вот наступил этот памятный июньский день. Я уже закончил два класса школы, в полную силу помогал по хозяйству, на мне были дрова, вода, я должен был выгонять корову на пастбище и т.д. Бабушка и мама решили перестроить старый двор. Была нанята бригада плотников. Двор был раскатан по брёвнышку. Для того, чтобы собрать новый, необходимо было заготовить мох. У мамы свободными были только ночи, благо в июне они бывают и тёплыми, и светлыми. И вот мы с мамой поздно вечером 21 июня 1941 года поехали в лес. В лесу было как-то необычно тихо и спокойно, или это теперь мне так пред-

ставляется эта картина. Очень рано взошло солнце, запели птички, у нас был уже полный воз мха, и мы довольные поехали домой. Я с удовольствием правил лошадью. Когда въехали в первую деревню, а это было в 3 км от Емецка, мы заметили какую-то тревогу, люди перебежали из дома в дом. Мама забеспокоилась. «Что-то случилось, – сказала она мне, – поезжай быстрее». Я стал понукавать лошадь, она ускорила шаг. В следующей деревне такая же картина. Когда мама спросила у пробегающей мимо женщины, что случилось? Та в ответ только как бы выдохнула одно страшное слово: «Война». Меня охватила какая-то тревога, я бы даже сказал чувство страха. Мы подъехали к своему дому, тут уже бабушка ждала нас и тоже только повторила это слово «война, война, война». Быстро сгрузили мох, я отвёл лошадь на конюшню. Вернувшись, я встретил своих школьных друзей, которые уже говорили, что по радио сообщили о бомбардировке многих городов, гибели людей, что фашистская Германия вероломно напала на нашу страну. Дома плакала бабушка, оказывается, вся бригада плотников, которая должна была строить наш двор, мобилизована, и завтра уже за ними придёт пароход. Действительно, на следующий день весь берег был заполнен людьми. Я помню, как наш любимый колёсный пароход «Архангельск» медленно развернулся и пошёл под пронзительный гудок, резко наклонившись на левый борт, на котором вплотную стояли мужчины и махали провожающим. А на берегу слышался гул, воедино смешались и крики, и плач. Матери, жёны, сёстры и братья провожали своих родных на войну, наверное, они чувствовали, что большинство из них уже больше никогда не вернётся в родные края. Я воспитывался без отца, в нашей семье не было мужчин, но общее горе захватило всех, плакала и мама, и бабушка. Такая картина повторялась несколько дней. Вечером приходил пароход и увозил очередную партию, снова повторялись прощальные крики, слёзы. Наш дом стоял на берегу, и всё это происходило на наших глазах. По радио шли тревожные сообщения, наши войска вынужденно отступали. Это ещё более усиливало тревогу.

И вот однажды в наш дом утром пришла бригадир колхоза и начала говорить, что почти все мужчины ушли на фронт, надо окучивать картофель (в тот год лето стояло тёплое, и картофель был посажен ещё в мае), придётся это делать дояркам в ночное время, а для помощи взять своих детей. Так мне, 10-летнему мальчишке, официально было предложено начать трудовую деятельность в колхозе. Когда мама приходила с вечерней дойки домой, она быстро ужинала, и мы шли на конюшню, брали лошадь, запрягали в плуг-окучник, я садился верхом, и ехали в поле. Моя задача была направлять лошадь между картофельными рядами, а мама держала в руках тяжёлый плуг. Работали до восхода солнца и уже ранним утром возвращались домой, я – спать, а мама – снова на работу на ферму. Бабушка тоже долго не давала

нежиться, надо было выполнять все задания по хозяйству. После окучки картофеля подоспел сенокос. Мама вместе со своей напарницей по ферме Татьяной Дмитриевной Жолобовой стогавали, складывали сено в копны, а я, как говорили, возил кучи. На сенокос выезжали рано утром и возвращались поздно вечером. Уставали страшно, но была какая-то внутренняя гордость о сопричастности к общему делу. Осенью фронт работ расширился, убирали урожай. В этот первый военный год, как потом выяснилось, я официально заработал более 40 трудодней. Тот, кто работал в колхозе, знает, что для 10-летнего пацана это большое достижение, кроме того, значительную часть трудодней записывали ещё и в книжку моей мамы. Так, первый военный год стал первым трудовым годом в моей жизни. В Архангельской области было объявлено военное положение, в 11 часов играл «Интернационал», и все должны были покинуть улицу, без пропусков появляться было нельзя. Выходили патрули. Нам с мамой, так как мы работали ночью, были выписаны пропуска. Я очень этим гордился, когда ребята в рассыпную убегали по домам, а важно и спокойно шествовал по улице, так как у меня был пропуск. А дальше уже все последующие годы это стало системой, всё свободное время мы старались что-то сделать в колхозе, с возрастом и работа появлялась посложнее. Запомнилась мне осень 1942 года. Я уже самостоятельно боронил в поле. Смеркалось. Вдруг я услышал гул самолёта, он всё нарастал, когда я поднял голову, то увидел, что достаточно низко летел самолёт с чёрными крестами на крыльях. Мне стало страшно, я спрыгнул с лошади и лёг в канаву, а лошадь, испугавшись, тоже перепрыгнула через канаву, а борона своими стальными зубьями вцепилась в край канавы и повисла надо мной. Хорошо, что лошадь остановилась, а то бы этой бороной досталось и мне. Я тихонько выбрался, самолёт уже был вдалеке. Так я единственный раз видел немецкий самолёт. Как я узнал позднее, в тот день был налёт на Архангельск, и, видимо, один из самолётов почему-то отлетел в нашу сторону. Я не знаю, о чём думал лётчик, когда он видел одинокого мальчугана на лошади. Известно одно – немцы иногда запросто расстреливали мирных жителей.

Кроме работы в колхозе старшеклассники привлекли нас к работе в тимуровской команде. По примеру того, что было написано в книге Гайдара «Тимур и его команда», такие команды создавались повсеместно, основу их составляли пионеры. Задача была помогать по хозяйству семьям фронтовиков, причём делать это надо было ненавязчиво, иногда даже почти тайком, в основном это касалось колки дров и т.п. 1943 год для меня оказался особо памятным. Здесь было несколько моментов. Во-первых, я закончил начальную школу с похвальной грамотой. Тогда давали свидетельство об окончании начальной школы. С этим образованием уже можно было поступать в ФЗО или идти дальше в 5-й класс. Далее меня избрали делегатом на областной пионерский слёт в Архангельске, на котором

обсуждались итоги тимуровского движения. Среди нашей делегации я был самый младший. Наверное, сыграла свою роль моя предшествующая работа в колхозе и отличная учёба. Меня снарядили в дорогу, из какой-то старой шинели была сшита мне шинель по моему росту. И вот в такой форме я отправился в Архангельск. Первый раз в жизни я ехал на такое совещание за государственный счёт. Поселили нас в общежитии медицинского института (вот ведь судьба, в этом общежитии через 6 лет я очутился уже студентом). Кормили в ресторане «Полярный». Я даже запомнил, что были щи из крапивы и омлет. После торжественного заседания, а проходило оно в большом театре, был спектакль «Коварство и любовь». Особенно я ничего не понял, но поразили костюмы, декорации, игра артистов. Много позже в старших классах я всё-таки перечитал Шиллера. Это было моё первое в жизни знакомство с театром. Поездка оставила большое впечатление. Но к этому добавилось ещё одно приятное событие. В д. Сельцо был открыт впервые в военные годы пионерский лагерь в основном для детей фронтовиков, но ряд мест был выделен для отличников учёбы. Так мне посчастливилось побывать первый и единственный раз в пионерском лагере. Мы заготавливали веники для скота, работали на колхозном поле, выступали с концертами. В лагере я познакомился с Юрой Сергеенко, он был из семьи репрессированных, в лагерь попал тоже как отличник учёбы. Мы с ним подружились, и эта дружба продолжается уже более 60 лет. Сейчас он живёт и работает в Санкт-Петербурге.

1943 год принёс уже и радостные вести с полей войны, начинался перелом, наши войска стали одерживать победу за победой. Я помню непреодолимое желание попасть на фронт. Мы искренне завидовали пионерам-героям Лёне Голикову, Вале Котику и другим, кто был на фронте. Я много раз перечитывал книгу Валентина Катаева «Сын полка». Вот подлинные герои, а мы скромные труженики тыла, как называли иногда нас старшие, стараясь подбодрить.

Когда открылась Соловецкая школа юнг и старшие ребята уезжали туда, мы все буквально сгорали от зависти. Мой дядя, а он был в штабе Беломорской флотилии, обещал меня направить в такую школу, но так я туда и не попал.

Помню я хорошо и радостный День Победы. Погода была замечательная, казалось, что вся природа радуется этому событию. Незнакомые и знакомые люди обнимали друг друга, целовали, плакали от радости. Всем казалось, что наконец-то наступила пора, когда уйдут и голод, и горе, и начнётся новая радостная жизнь.

Я помню, как мы радовались, когда возвращались первые демобилизованные, раненные, измученные, но радостные, счастливые. Многие так и не дождались своих родных. Почти каждую семью война накрыла своим чёрным крылом.

Мне вспоминается, как весной собирали щавель и первую крапиву, гнилой картофель.

Кусочек сахара был лакомством. Помню горькую хвойную настойку, которую давали в школе перед уроками, квашеную капусту из зелёных листьев и многое, многое другое. Помню, когда к нам приехали эвакуированные ребята из Ленинграда и Мурманска, мы старались чем-то помочь им, что-то принести из дома, так как знали, что они испытали страшное, видели войну своими глазами. Помню, как через нашу деревню шли колонны пленных владиславцев, они шли какие-то отречённые с поникшими головами, колонны растянулись на километры, шли группами и поодиночке, это было зимой. Глядя на них, возникало какое-то двойное чувство, с одной стороны, говорили, что они предали Родину, с другой – с виду это были простые измученные русские люди, и их было жалко. Иногда пытались сунуть им картофелину или кусочек хлеба, что они с жадностью и благодарными глазами принимали.

А какой, порой непосильный, труд выпал на долю наших матерей. Колхозники не получали картошек, надо было платить большие налоги, а денег в колхозе тоже не выдавали, только небольшое количество зерна и сена на трудодни. Работали же без выходных, порой круглыми сутками, но никогда не жаловались на трудности, говорили, что там на фронте ещё тяжелее.

Нас сейчас называют ветеранами войны, т.к. я, как и ряд моих товарищей, и наши родители были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Я горжусь этой наградой, так как считаю, что пусть и скромный, но какой-то определённый трудовой вклад в Победу внесло и наше поколение.

**В.П. Рехачев, доцент кафедры хирургии
ФПК и ППС**

